

Всемирный социологический конгресс

© 1990 г.

А. Г. ЗДРАВОМЫСЛОВ

ПРИНЦИП РАЦИОНАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ (гносеологические и культурологические основания)

ЗДРАВОМЫСЛОВ Андрей Григорьевич - доктор философских наук, профессор, зав. сектором ИМЛ при ЦК КПСС. Постоянный автор нашего журнала.

Выбор данной темы обусловлен стремлением внести определенный вклад в проблему, поставленную в качестве основной для данного симпозиума; выяснить, может ли быть в современной социологии некоторая общность идей, терминов и понятий, несмотря на тот факт, что она подразделяется на сложившиеся направления. Каждая из школ имеет собственную традицию, систему аргументации, имеет свои научные авторитеты и вместе с тем свои подходы к решению задач социологии. Имея это в виду, можно было бы показать, что даже в тех случаях, когда теми или иными направлениями используются общие термины, смысл этих терминов и понятий остается подчас весьма различным.

В то же время социология — в ее целостности, рассматриваемая как некое общественное движение, развивающееся в весьма неопределенных границах, — часть современной культуры, которая пронизана идеей рациональности. Рациональность — это не только способ упорядочения знаний в рамках принятой концепции, не только свойство разума, познающего действительный мир; рациональность — это безусловно одна из основополагающих ценностей современной культуры. Мы ценим хорошо обоснованный способ аргументации и называем его рациональным: мы ценим способность человека добиваться поставленных перед собой целей и говорим о нем, как о человеке умном; мы высказываем удовлетворение той организацией, которая способна к развитию, благодаря преодолению внутренних конфликтов. Идея рациональности, как было показано М. Вебером, свойственна европейской культуре нового времени. Как известно, он приводит ряд примеров рационализации человеческой деятельности, среди которых особое место занимают, на одном полюсе, бухгалтерская практика, а на другом, изобретение 12-ступенчатой звуковой гаммы, представляющей собою основу современной музыкальной культуры [1].

Поэтому, когда мы говорим о принципе рациональности, мы имеем в виду в данном случае и в данном контексте не столько внутренний момент организации социологического знания, сколько внешнюю по отношению к социологии культурную ценность, основания которой связаны со способностью человека к коммуникации [2]. Социология — как область социального знания развивается в рамках определенной культурной целостности и, следовательно, именно в этом общем культурном контексте складываются основы для взаимопонимания. Иначе говоря, мы понимаем друг друга не потому, что мы придерживаемся разных взглядов на те или иные социальные процессы, не потому, что мы исходим из разных мировоззренческих ориентации, а потому, что мы живем в едином культурном контексте, в котором усилиями предшествующих поколений созданы определенные предпосылки для взаимопонимания.

Сказанное выше имеет прямое отношение к культурологическим основаниям принципа рациональности. По сути дела признание принципа рациональности тождественно утверждению значимости научного знания в отличие от мифологических и догматических, прагматических и эстетических компонентов современной культуры. Если социология претендует на роль науки, то вполне естественно, что рациональное построение системы аргументов имеет для нее приоритетное значение.

Другой вопрос — какова ценность рационалистической системы аргументов в рамках данной области знания, т. е. в пределах определенного направления социологии? Как соотносятся между собой плюрализм методологических подходов и теоретических установок и притязание на истину? В этом главный вопрос эпистемологического характера. Производными от него являются вопросы о соотношении научного и ценностного подходов, о соотношении «отражения» и «конструирования» реальности в социологическом знании, сравнительного значения теоретического и эмпирического знания, соотношения теоретической системы и социологического воображения, роли специальных социологических теорий и ряд иных сугубо методологических вопросов современного социологического знания [3].

Рассматривая этот вопрос, важно понимать внутреннюю структуру самого социологического знания. В рамках маннгеймовской традиции этот вопрос получает форму проблемы соотношения интересов и идеологии. Вывод социологии знания склоняется к тезису о полной релятивности любых теоретических построений, поскольку они выражают данные интересы, действующие здесь и теперь.

А. Гоулднер предлагает более широкий подход. Преимущества его, как мне представляется, в большей аналитичности и большей опоре на данные действительной истории социологии. Он выделяет три группы внутренних предпосылок социологического знания, которые так или иначе воздействуют на «социологическое поведение»: это мировоззренческие установки — background assumption, которые усваиваются или формируются в процессе социализации. К ним относятся представления о природе социальной реальности, о значении общества, человека, истории и культуры. В этот же ряд следует отнести и представления социолога о справедливости или несправедливости, точнее - готовность воспринимать эту проблему. Вторая группа — «суверенные установки» — domain assumption. Они во многом касаются представлений о степени рациональности человека, предсказуемости его поведения, возможностей его самоконтроля и т. д. Наконец, третья группа установок связана с социальными чувствами — social sentiments, основанными на личном опыте социолога. Отсюда следует вопрос о характере «личной реальности» социолога и ее соотношении с социальной теорией. Сходство личного опыта позволяет придти к соглашению о том, что является реальностью с точки зрения коллектива. Само утверждение «фактичности» тех или иных данных науки есть, по Гоулднеру, «приписывание высокой ценности этим данным». Отсюда проистекают определенные обязательства, ибо с фактами «необходимо считаться». «Факты не производятся автоматически некоей безличной исследовательской машиной. Утверждение „фактичности" — это действие, включающее обнаружение пристрастности» [4].

Гносеологические основы рациональности связаны с концепцией парадигмы в научном мышлении [5]. То или иное объяснение имеет смысл и является «рациональным», если оно разрабатывается в рамках очередной парадигмы, которая выполняет роль системы отсчета (frame of reference) в заданной системе координат. Естественно, что парадигма может быть весьма специфической, тогда это специальная социологическая теория (middle range theories), ограничивающая себя сравнительно узкой предметной сферой. Но это может быть и мировоззренческая парадигма, включающая в себя явно или неявно ценностные установки исследователя.

В процессе познания может возникать своего рода эпистемологический конфликт между различными уровнями рациональности. Научный способ разрешения этого конфликта обеспечивается процедурой исследования: выдвижением и проверкой гипотез, сбором данных, их обсуждением, включением нового знания в прежде существовавшие системы отсчета.

На наш взгляд, решение основного эпистемологического вопроса об общезначимости социологического знания возможно на основе углубления классического понятия истины. Истина — это не набор фактов, утверждений, эмпирических данных и вместе с тем это не есть законченная сумма теоретических постулатов, имеющих тенденцию к превращению в совокупность догм. Истина — это процесс углубления знания, средство более полной ориентации в мире, способ решения тех проблем, перед которыми стоит современная культура. Истина дискурсивна, многогранна, диалектична, конкретна, она тесно связана с коммуникативным процессом, будучи его составной частью.

Отсюда следует, что рациональный аспект социологии тесно переплетается с эстетическими, эмоциональными, нравственными и личностными моментами. Каждый компонент социологического знания представляет собою ценность, т. е. это шаг к осознанию, осмыслению, рациональному решению проблем в объективном мире и в субъективной реальности самого человека. Именно поэтому обмен мнениями на социологических кон-

грессах — это не только обмен знаниями, но и всестороннее обсуждение социальных проблем на путях приближения к истине как одной из универсальных ценностей, организующих научное знание.

Культурологические и эпистемологические основания принципа рациональности, следовательно, взаимно дополняют друг друга, обеспечивая углубление взаимопонимания.

* * *

Анализируя трактовку принципа рациональности в истории социологической мысли, необходимо внимательно приглядеться к тому, как эта проблема рассматривалась Марксом за несколько десятилетий до Вебера.

Для Маркса рациональность есть свойство деятельности человека, состоящее прежде всего в его способности ставить перед собой цели и выбрать определенные средства для их осуществления. Только человек способен руководствоваться планом в своей деятельности. Хорошо известны слова Маркса: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально» [6].

Таким образом, рациональность — по Марксу — нечто более фундаментальное, чем свойство определенного типа культуры. Это — свойство всей деятельности человеческого рода.

Вера в могущество человеческого разума — продолжение гуманистической и просветительской традиции, воспринятой марксизмом. Это убеждение — источник социального оптимизма, который оказался в значительной мере подорванным человеконенавистнической практикой XX-го столетия. Две мировые войны, возникновение тоталитарных режимов, создание оружия массового уничтожения, угроза экологической катастрофы, взрывы националистских чувств и эмоций, взаимное отчуждение народов, тупиковые конфликты в политике — весь этот опыт скорее опровергает, чем подтверждает идею рациональности. Все эти события и факты подвергают сомнению принцип рациональности, они как бы демонстрируют ограниченность способностей разума: последствия рационально обоснованных действий вступают в противоречие с исходными обоснованиями, рациональность превращается в свою противоположность, в иррациональность в силу того, что в каждом конкретном историческом акте и событии переплетаются противоположные стремления и интересы.

Как известно, Маркс связывает стихийность и непредсказуемость развития событий с господством частных интересов и отчуждением человека от результатов его труда, от политического процесса, от мира духовных ценностей. Для него социализм есть разрешение противоречия между рациональным и стихийным в организации общественных отношений. С его точки зрения социализм создает предпосылки для устранения отчуждения во всех областях человеческой деятельности.

Поэтому столь огромное значение Маркс придает науке, научному освоению мира. В первоначальном варианте «Капитала» он вводит категорию всеобщего интеллекта, благодаря которому всеобщее общественное знание (*wissen*) превращается в непосредственную производительную силу (т. е. силу, непосредственно производственными отношениями?) и который призван осуществлять контроль над условиями самого общественного жизненного процесса. Благодаря всеобщему интеллекту общест-

венные производительные силы должны стать непосредственными органами общественной практики и реального жизненного процесса.

Разумеется, у Маркса остаются неразработанными такие вопросы, как механизм осуществления общественного контроля над условиями жизненного процесса, способ функционирования всеобщего интеллекта и пределы его вмешательства в различные сферы экономической, социальной и духовной жизни. Вместе с тем он полагает, что реальное обобществление производства создает условия для увеличения свободного времени, для полного развития индивида на основе преодоления старых форм разделения труда.

Конкретное решение этих проблем Маркс оставляет на усмотрение будущих поколений, предупреждая об особой опасности неразвитых форм коммунизма, выступающих в качестве всеобщей частной собственности. «Такого рода „коммунизм“, отрицающий повсюду личность человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности... Всеобщая и конституирующая как власть зависть представляет собой ту скрытую форму, которую принимает стяжательство... Всякая частная собственность как таковая ощущает — по крайней мере по отношению к более богатой частной собственности — зависть и жажду нивелирования, так что эти последние составляют даже сущность конкуренции. Грубый коммунизм есть лишь завершение этой зависти и этого нивелирования, исходящего из представления о некоем минимуме. У него — определенная ограниченная мера. Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к неестественной простоте бедного, грубого и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее.

Для такого рода коммунизма общность есть лишь общность труда и равенство заработной платы, выплачиваемой общинным капиталом, общинной как всеобщим капиталистом» [7].

Приведенные высказывания подтверждают прогностическую силу недогматизированного марксизма. Действительно, ранние формы социализма оказались во многом замешаны на идеях всеобщей уравнительности. Справедливость стала трактоваться как равенство способностей. Коллективность как уничтожение особенностей индивидуальности, непризнание неповторимости личности и ее достоинства. Талант оказывался незащищенным перед массовидностью посредственности и зависти. Весь этот примитивный рационализм, не доросший до цивилизованных форм общения, проник в систему властных отношений, то есть в практическую политику.

Под этим углом зрения веберовская концепция критики бюрократии приобретает новый смысл. Вебер, как известно, развивает тезис о парадоксе рациональности. По его мнению рост рациональности во всех сферах общественной жизни имеет своим результатом не освобождение человека, а увеличение его зависимости от правил, норм бюрократизированных структур и администрации. Рационально организованное общество превращается для индивида в знаменитую „iron cage“ (железную клетку). Отсюда его весьма скептическое отношение к социализму, который будет означать триумф бюрократии, что также оказалось отнюдь не лишенным смысла прогнозом.

Несомненный шаг вперед состоит в различении Вебером нескольких форм рациональности — формальной и субстанциональной или, на ином основании, целевой и ценностной рациональности (*Zweck und Wert-Rationalität*). Отсюда вполне возможен переход к одной из основополагающих идей современной социологии — идее ценностного плюрализма и соответственно плюрализма рациональностей.

Именно здесь вновь воспроизводится старая философская проблема о соотношении всеобщего и частного в познании, об универсальности истины как таковой в качестве достижения «всеобщего интеллекта» и множественности частных истин в науке, в познании, в интерпретации тех или иных фактов.

Во всяком случае, нам представляется, что дальнейший шаг в разработке концепции рациональности, предпринятый Ю. Хабермасом, есть не что иное как попытка рассмотреть именно эту проблему на новом материале, представленном общественной наукой и практикой второй половины XX в. Опираясь на М. Вебера, Ю. Хабермас в своей фундаментальной работе «Теория коммуникативного действия» (Франкфурт-на-Майне. 1984) выделяет три комплекса рациональности: когнитивно-инструментальную, морально-практическую и эстетически-практическую. Каждая из них образует своего рода особый ценностный мир, строящийся на пересечении основных установок (*basic attitudes*) к соответствующим сферам действительности — объективной и субъективной.

Рационализация современного общества заключается в комбинации идей и интересов, связанных с этими комплексами рациональности и в воплощении их в соответствующих жизненных отношениях (*orders of life*).

В отличие от Вебера Хабермас полагает, что несчастья современности уходят своими корнями не в рационализацию как таковую: они обусловлены тем, что не осуществляется сбалансированная институционализация всех измерений разума, открытых современным пониманием мира [8].

Для современного понимания мира весьма важен процесс децентрализации сознания, который характеризуется дифференциацией мировоззрений. Открытия антропологии, сферы подсознательного, многообразия политических ориентации и форм экономического поведения — все это эмпирическое основание высказанной мысли. Вновь возникает вопрос, с которого мы начали паше рассуждение: каким образом возможно признание истинности или общезначимости тех или иных суждений и оценок? Можно ли, как и прежде, придерживаться той точки зрения, что одно философское направление, одна из школ социологического мышления является в конечном счете более верной, более универсальной, в большей мере вбирающей в себя остальные точки зрения и позиции? Как нам представляется, автор «Теории коммуникативного действия» дает на этот вопрос отрицательный ответ. Сам процесс коммуникации (коммуникативное действие) становится механизмом выявления консенсуса и преодоления разногласий.

Это выражение новых практических отношений в самой действительности и, бесспорно, теоретическое обоснование нового политического мышления. Людям важно сохранить жизнь — это приоритетная универсальная ценность. Но осуществление ее в современном плюралистическом мире зависит от способности общения между людьми, которые отделены друг от друга государственными, национальными, классовыми, религиозными и идеологическими барьерами. Пока в этих группах сохраняется способность к общению с другими, есть и надежда на будущее.

А истина в высшем смысле слова как и другие универсальные ценности — добро, красота, справедливость, свобода — жива до тех пор, пока есть надежда.

Процесс межкультурной коммуникации есть, таким образом, выражение всеобщего интереса человеческого рода. Это реальное основание общечеловеческих интересов. Этот процесс можно назвать иными словами: развитие символического или культурного взаимодействия (с позиций символического интеракционизма); институционализация более широких (generalized) идей и интересов (с позиций теории социального действия а La Парсонс); создание новых форм практики (с позиций классического марксизма); возникновение коллективных форм сознания, преодолевающих границы локальных общностей (с позиций социологической концепции Дюркгейма). Но во всех этих случаях упор должен быть сделан на сотрудничество, сотворчество, совместное решение практических проблем общественной жизни.

* * *

Дальнейший анализ принципа рациональности в социологической теории предполагает, на наш взгляд, выделение специфических для современного общества форм иррациональности, которые оказываются не менее прочно вплетенными в образ жизни, нежели формы рациональности.

Э. Гоффман, например, выделяет три главных типа иррациональности: иррациональность рыночных отношений, бюрократическую иррациональность и иррациональность вознаграждения. Яркий портрет могущества иррационального начала в современной повседневной жизни рисует А. Гоулднер: «Современный поп-арт провозглашает невозможность провести разграничительную линию между искусством и рекламой, также как драматургия (Гоффмана) затрудняется провести различие между „реальной жизнью" и театром. Мафиози становятся бизнесменами, а полицейских подчас можно отличить от бандитов только по униформе. Различия между гетеросексуальностью и гомосексуализмом рассматриваются некоторыми не более существенными, чем различия между правшами и левшами. Телевизионная программа становится определением реальности. Антигерой становится героем. Установившаяся иерархия ценностей потрясена до основания, священное и светское перемешиваются в гротескном соединении. Новый средний класс стремится соответствовать условным стандартам полезности и нравственности, отступая от тех и других, и определяя свою перспективу через эстетические стандарты и через видимость вещей» [9].

Здесь схвачены существенные признаки кризисной ситуации, характерной для современной массовой культуры. Происходит размывание критериев ценностной регуляции поведения и потеря гуманистической перспективы личностного развития. Гораздо большую роль приобретают мотивационные комплексы, основанные на сиюминутных интересах, на стремлении к престижу и статусу. При этом внешние структуры этих комплексов мотивации, источники удовлетворенности и неудовлетворенности оказываются более или менее сходными в ситуациях, совершенно противоположных по своему социальному смыслу и содержанию.

Кризис мотивации означает углубление отчуждения. Это общая проблема современного мира, разрешение которой связано с выходом на новые уровни рациональности. Человек может преодолевать отчуждение через приобщение к культуре, развитие системы общения, обретая способность рационально осмысливать и конструктивно преодолевать противоречия и проблемы.

Важным источником углубления наших представлений относительно исследуемого предмета является изучение кризисных ситуаций в политике и духовной жизни, через которые сейчас проходят многие страны и народы.

Один из таких кризисов имел место в социалистических странах в 1968 г. Он обнаружился в известных чехословацких событиях, которые можно проанализировать под углом зрения конфликта двух систем рациональности. Система бюрократизированных отношений столкнулась с потребностями обновления социализма, и мощь бюрократии в данном случае одержала победу, которая превратилась в поражение более, чем 20 лет спустя.

Интересно проследить здесь основные фазы этого конфликта. Он начинается в июне 1967 г. с TV-го съезда писателей Чехословакии. Можно сказать, что на этом этапе конфликт носит локальный характер: это столкновение интересов определенных кругов творческой интеллигенции с политическим режимом. Развитие этого конфликта приводит к кризису политической власти и к смене правительства. Волна демократизации, последовавшая вслед за смещением А. Новотного, приводит к углублению конфликта: требуется восстановление исторической справедливости относительно жертв прежней системы. Именно в этом пункте оказываются задетыми интересы иных стран. Брежневское руководство взяло курс на свертывание демократизации. Процессы обновления пошли не синхронно: подъем демократизации в Чехословакии совпал со свертыванием этого процесса в Советском Союзе и других восточно-европейских странах. Вместе с тем в Чехословакии была разработана Программа действий (апрель 1968 г.), которая была воспринята как покушение на устои утвердившегося образа мышления.

При этом старое мышление обратилось к концепции обострения идеологической борьбы в международном плане.

Новая фаза конфликта была отмечена Варшавским письмом высшего руководства пяти стран в адрес чехословацкого руководства. Главное расхождение состояло в следующем. Чехословацкое руководство (А. Дубчек, О. Шик и другие) считало, что оно может овладеть ситуацией своими силами. У них был рационально обоснованный план действий, выраженный в таких политических документах, как «Программа действия» и «Ответ руководства КПЧ на „письмо пяти“». Организационно он подкреплялся подготовкой к XIV съезду КПЧ. Руководители остальных стран считали, что внутренний конфликт в Чехословакии не сможет быть разрешен собственными силами КПЧ.

Стремление к обновлению социализма они восприняли как отступление от социалистического выбора; ибо само обновление означало угрозу их устоявшимся интересам. Подобно Людовику XIV, утверждавшему «государство — это я», руководители пяти социалистических государств исходили из предпосылки «социализм — это мы» и действовали в соответствии с этим исходным пунктом их «системы рациональности».

После Варшавского письма и ответа на него ход событий был предопределен. Идея «ограниченного суверенитета» была сформулирована в этом письме и дальнейшее развитие событий было связано с легитимацией принятого решения. Для этого используется «обращение» сотрудников милиции, которое в свою очередь порождает документ «2000 слов», исходящий от радикальной интеллигенции.

На этой фазе конфликта он принимает международный характер, т. к. вводится в оборот понятие антисоциалистических сил и международного заговора против социализма в ЧСФР. Происходит резкая поляри-

зация конфликтующих сторон и руководство Дубчека оказывается в ложном положении, т. к. оно полагает, что может управлять событиями, в то время как события оказываются вне контроля. Авторитет этого руководства оказывается под сомнением, т. к. оно оказывается между двумя силами, действительно противостоящими друг другу с точки зрения разных обоснований рациональности.

Последняя стадия конфликта связана с применением силы и последующими акциями, направленными на то, чтобы не допустить применения контрсилы. Это удается благодаря специально выработанным политическим механизмам, один из которых состоял в искусственном замедлении процесса восстановления прежнего режима.

Уроки чехословацкого кризиса были в определенной мере учтены в ходе разработки концепции перестройки в Советском Союзе. Главный вывод теоретического порядка состоит в том, что обновление системы не может быть успешным, если оно не затрагивает политического центра прежней системы и если не обеспечивается необходимый уровень синхронности между внутренними и внешнеполитическими процессами.

В ходе перестройки имели место собственные кризисные точки, рассматриваемые как столкновения разных форм рациональности.

Вновь открывшиеся исторические факты, касающиеся масштабов сталинских репрессий, их направленности и последовательности невозможно было логически совместить с прежним взглядом на советское общество. В массовом сознании произошел слом устоявшихся представлений о социализме, справедливости, прогрессе, о взаимоотношениях государства и общества, о политических реалиях и о конечных нравственных ценностях, включая представления о добре и зле. Прежняя интерпретация истории партии подлежала полному пересмотру. Выяснилось, что все антипартийные группировки, троцкистско-зиловьевские блоки, правые и левые оппортунисты — всего этого не существовало. Все это было кошмарным изобретением Сталина и продуктом творчества репрессивного аппарата, которые действовали от имени социалистической идеи, от имени марксизма, от имени Ленина. В этих условиях поколебалось само понятие истины. Все стало возможным, перестали действовать нравственные и идеологические ограничители. Сталинский террор всплыл в памяти народной, обрушившись всей своей тяжестью на массовое сознание. Разоблачение сталинизма сделалось очень быстро доминирующей темой публицистики, литературы, кинематографа. Через это необходимо было пройти, чтобы вступить в новые воды. Но далеко не каждому дано было выдержать это суровое испытание. Иррациональность прошлого подорвала основы рационального мышления, опрокинула сложившиеся логические связи. Преобладающим настроением стало стремление к реваншу по отношению к прошлому, ибо даже те, кто не были непосредственными жертвами репрессий, могли предъявить счет. Обман сталинизма коснулся каждого так или иначе.

Естественно, что в общественных умонастроениях стала преобладать не просто критическая, а разрушительная нота. Оказалось очень легко вывести сталинский террор из Марксовой концепции неизбежности революционного насилия. С помощью нескольких аналогий стали доказывать железную связь между сталинизмом и «красным террором» времен гражданской войны. Появились статьи, в которых ставились под сомнения ценности социализма и проводилась мысль о бессмысленности Октябрьской революции. В розовом свете стали преподносить даже монархический режим Николая II.

Такой поворот в осмыслении событий и умонастроениях породил контрреакцию. Определенная часть партийного и государственного аппарата напугалась до такой степени этой разрушительной волны, что

спала взывать к прочным порядкам сталинского образца. В марте 1988 г. в «Советской России» была опубликована статья Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами», которая должна была послужить в качестве идейного ориентира этого поворота. Статья была перепечатана некоторыми иными органами печати. Аппарат, казалось бы, наконец-то нашел точку опоры. Ясно, что если бы эта линия возобладавала, то перестройка была бы приостановлена или прекращена на долгое время. В течение месяца партийные организации находились в состоянии неопределенности: за кем идти — за Горбачевым или за «Советской Россией»? Многие успели сделать выбор. Но вот 5 апреля появляется редакционная статья «Правды», в которой в сильных выражениях партия заявляет о верности курсу перестройки и об антиперестроечном характере названной публикации. Таким образом кризис оказался преодоленным, но дело перестройки пошло бы еще лучше, если бы был раскрыт организационно-идеологический механизм появления статьи Н. Андреевой. К сожалению, у перестроечного крыла не хватало сил для того, чтобы довести это дело до конца.

Советский историк Р. А. Медведев, выступая на Съезде народных депутатов СССР, показал, что колебания в идеологическом курсе были связаны с тем, что в Политбюро не было полного единства взглядов на процесс перестройки и прежде всего на идеологический процесс в условиях перестройки. Это обстоятельство сказывалось прежде всего в те краткие периоды, когда Горбачев по тем или иным причинам покидал Москву. Так, в декабре 1987 г., когда Горбачев вылетел в Вашингтон для подписания советско-американского договора, «в нашей идеологической работе,— говорил Медведев,— снова стали происходить странные вещи. Один член Политбюро ЦК КПСС собирал представителей средств массовой информации и давал им одни указания, а через неделю другой член Политбюро собирал представителей средств массовой информации и давал прямо противоположные указания. И это мы все наблюдали по печати, это мы все видели... В марте товарищ Горбачев вылетел в Югославию, а товарищ Яковлев — в Монголию, и за какую-то неделю опять политика нашей партии, правительства и в идеологической, и во всех других областях изменилась. И появилась не статья Нины Андреевой, появилась политика Нины Андреевой, которая внесла раскол и сомнения во все идеологические службы и в интеллигенцию нашей страны. И потребовалось возвращение товарища Горбачева из Югославии и товарища Яковлева из Монголии, и понадобились довольно крупные и резкие, и драматические совещания, чтобы, наконец, восторжествовала политика перестройки» [10].

* * *

Изучение развития кризисных ситуаций показывает, что они развертываются как конфронтации различных систем рациональности, каждая из которых имеет свою логику обоснования. Но констатация этого факта не позволяет еще выяснить причины духовного и политического кризиса и понять, как же соотносятся разные системы рациональности с реальными перспективами общественного развития. Суть же вопроса в том, что режим личной власти, созданный Сталиным в ходе политической борьбы к концу 30-х годов, опирался в идеологическом плане на систему псевдорационального мышления, в рамках которого все истины марксистской теории приобретали противоположный их первоначальному смыслу знак. Р. Такер считает, что краеугольным камнем этой системы псевдорациональности стало извращение Сталиным марксовой теории государства. Мы полагаем, что гораздо важнее был нормативистский подход к самой

теории социализма, к вопросу о соотношении между теорией и практикой. В массовое сознание постоянно внедрялась мысль о том, что между должностванием и реальностью по сути дела нет различия: то, что должно быть согласно идеалу, якобы уже есть на самом деле. В этом и состояла суть псевдорационалистической мистификации, опирающейся на мощные пласты харизматического мышления в народном сознании, с одной стороны, и на полную идеологизацию теоретического сознания, с другой¹. Догматизированные представления о социализме стали частью административно-командной системы. Более того, они стали важнейшим инструментом социального контроля, вработанным в эту систему, средством утверждения единообразия во взглядах и в манере поведения людей.

Другой способ бытия иррациональности заключается в аккумуляции ошибочных решений в разных областях социального действия. Сами по себе понятие ошибки опирается на признание возможности рациональной оценки действия. Ошибка и есть отступление от рационально обоснованной системы действий. Поэтому, чем раньше она признана и проанализирована и чем глубже осуществлен анализ этой ошибки, тем больше возможность восстановить линию действий с общим планом, с рационально обоснованными принципами политического поведения. Но для этого нужна политическая смелость и мужество. Если этими качествами политик не обладает, то он пытается ошибочное действие интерпретировать как адекватное с помощью коррекции аргументов и незаметного вплетения ошибки в принятую систему рациональности. Это порождает возможность при последующих выборах действия (*choices in the way of actions*) допустить новую ошибку. Накопление ошибок разрушает систему рациональности, порождает непоследовательность и логическую противоречивость поступков, ненадежность в партнерских отношениях на международной арене. Такова была по сути дела брежневская линия поведения, которая характеризовалась, с одной стороны, Хельсинским договором (1976 г.) и серией событий, оцениваемых с противоположным знаком, в том числе и введением войск в Афганистан в 1979 г.

Третий вариант иррациональности — возникновение патовой ситуации, в результате столкновения двух систем рациональностей. Такой была в основном ситуация в международных отношениях по вопросам разоружения. Аналогичная ситуация сложилась в Закавказском регионе СССР в связи с конфликтом по поводу Нагорного Карабаха. Огромную роль в такого рода ситуациях играет идеологизация конфликта с помощью формирования обобщенного образа врага. Благодаря этому конфликт становится тотальным, пронизывающим все стороны жизни каждой конфликтующей стороны. Соответственно и пути решения подобных конфликтов связаны, во-первых, с сегментацией самой проблемы, расчленением ее на части; во-вторых, с методом включения каждой из сторон в коммуникативный процесс и, в-третьих, с ценностным обобщением (*value generalization*) проблемы на более высоком уровне ценностно-нормативных значений.

Ценностный конфликт предполагает эксплицирование ценностных ориентаций, их прояснение и выработку осмысленного отношения к

---

¹ Идея социализма все теснее сближалась с образом авторитарном командно-бюрократической административной идеи.

Другим следствием этого процесса был все больший разрыв между теорией марксизма и реальностью, между гуманистическими идеалами и практикой. Бюрократическая, жестко централизованная экономическая и политическая система действовала по своим законам. А теория должна была выполнять извращенную идеологическую функцию, создавать иллюзию «правильности» этих действий, оправдывать практику, рисуя в общественном сознании законченную модель социализма, якобы соответствующую принципам марксизма-ленинизма

ценности. Это — важнейшая сторона процесса рационализации. Исследователь не может не иметь симпатий и предпочтений и быть свободным от ценностей культуры, в рамках которой он сформировался. Но степень ясности этих ценностей для самого себя может быть различной. Ценности могут действовать не только на рациональном уровне, но и в сфере подсознания. Поэтому столь важны контакты между учеными, принадлежащими к разным школам и направлениям, и придерживающихся разных ценностных ориентаций и хотя они будут по-разному трактовать философский вопрос об истине, об отношении мышления к реальности, все же их будет объединять стремление к истине и уважение к самому процессу познания, к дискурсивному мышлению, к научной коммуникации. Именно в этом состоит общее начало, объединяющее социологов разных направлений.

* * *

Сформулируем теперь некоторые основные выводы из всего, сказанного выше.

Социология в том ее состоянии, в котором она находится теперь — нуждается в новом уровне рациональности и этот уровень должен быть основан как на достижениях всех школ социологической мысли, до сих пор существовавших отдельно, так и на осмыслении современного опыта, весьма специфического для сегодняшнего дня. Эпистемологическая сторона проблемы состоит именно в «осмыслении», т. е. в рационализации процесса, который осуществляется в рамках социологии. Решая эту задачу, мы не можем избежать своего рода порочного круга; чтобы изменить содержание социологии, необходимо добиться нового уровня ее рационализации. Но для решения этой задачи необходимо добиться изменения в трактовке самого предмета социологии и по-новому ориентировать ее содержание.

Преодолеть этот порочный круг можно лишь при том условии, что рациональность будет рассматриваться как общая ценность современной культуры. В истории социологической мысли рациональность рассматривалась не в плане противостояния, а в плане дополнения и более глубокого понимания проблемы. Именно поэтому концепция рациональности может быть использована в качестве одного из исходных пунктов построения современной социологической теории.

Современная жизнь в ее повседневности характеризуется конфликтом ценностей в гораздо большей мере, чем это было ранее. В силу этого мы остановились на анализе некоторых конфликтных ситуаций, имеющих практическое, политическое значение. В ходе анализа этих ситуаций мы выделили такие понятия как примитивная рациональность, псевдорациональность, ограниченная рациональность и иррациональность. Другая сторона проблемы заключается в политической рационализации реально развертывающегося демократического процесса, в экономической рационализации, в социальном и культурном прогрессе. На социальном уровне все это и означает процесс модернизации.

Более глубокое понимание проблемы предполагает анализ взаимоотношений и связей между ценностями (в том числе и идеями) и политическими и экономическими интересами действующих лиц, включенных в процесс модернизации. Сложнейшая структура потребностей, интересов и ценностей предстает перед нами на этом новом уровне исследовательской деятельности. Основная тенденция нынешнего этапа человеческой истории состоит в том, что увеличивается значение обобщенных ценностей, общих потребностей и взаимных интересов. В этом — доминирующее начало как модернизации, так и обогащения мотивационных структур человеческого поведения и деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Weber V. Die Protestantische Ethik. Siebenstern Taschenbrich Verlag. Mnonchon und Hamburg. 1965. S. 10-23.
2. Communicative actions always require an interpretation that is rational in approach. Juergen Habermas, The Theory of Communicative Action. Boston. 1984. p. 104.
3. See Berger P L. and Lackman T. The Social Construction of Reality. A Treatise -in the Sociology of Knowledge. Doubleday and Company. N. Y. 1966: Friedrichs R. W. Sociology of Sociology. The Free Press. N. Y.— London. 1970.
4. Gouldner A. W. The Coming Crisis of Western Sociology. N. Y. 1970, p. 42.
5. Dobrianov V The Marxist Sociological Paradigm. In «Developments in Marxist Sociological Theory» ed. by A. G. Zdravomyslov. London, SAGE 1986.
6. Маркс К. Капитал // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, с. 189.
7. Маркс К. Экономическо-философские рукописи // Маркс К.. Энгельс Ф. Соч Т. 42. С. 114-115.
8. McCarthy T. Reflections on Rationali-action in the Theory Communicative Action. In «Habermas and Modernity» //Policy Press. Cambridge 1985, p. 176.
9. Gouldner A. W. Op. cit.. p. 390.
10. Медведев Р. А. Выступления на Г съезде народных депутатов СССР// «Известия» 30 мая 1989.